

**ГРЕЗА О РОССИИ: ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОЙ УСАДЬБЫ «РЕКА-ДОМ»
В РОМАНЕ ДЖУЛИАНЫ ХОРЕЙШИ ЮИНГ
«ВОСПОМИНАНИЯ СТАРУШКИ ИЗ ДОМА НАПРОТИВ»:
ГЕНЕЗИС, ПОЭТИКА, РЕЦЕПЦИЯ**

Велигорский Георгий Александрович, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Россия, screamer90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

Аннотация. В настоящей статье рассматривается «усадьбный роман» Джулианы Хорейши Юинг «Воспоминания старушки из дома напротив» и его влияние на усадьбную литературу. Практически забытое ныне, это сочинение существенно повлияло на жанр «романа об усадьбе», получивший развитие в XX и XXI вв., главным образом на его поэтику и «мифологию» – начиная от модернистских романов Э.М. Форстера и В. Вулф и заканчивая исканиями постмодернистов, а также послевоенной детской литературой. Особое место в этом романе занимает «русский» особняк Река-Дом (Reka Dom) – литературная усадьба par excellence, в которой воплощается образ безмятежного детства, пусть и с легким оттенком печали. В статье показывается, каким был генезис этого удивительного в своем роде образа, каковы были его прототипы – и как именно он повлиял на последующую усадьбную литературу.

Ключевые слова: усадьба, детская литература, Дж. Х. Юинг, Р. Киплинг, Э. Несбит.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Велигорский Г.А. Греза о России: образ идеальной усадьбы «Река-Дом» в романе Джулианы Хорейши Юинг «Воспоминания старушки из дома напротив»: генезис, поэтика, рецепция // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 185–192. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-185-192>

Research Article

**DREAMING ABOUT RUSSIA: THE IMAGE
OF THE IDEAL ESTATE “REKA DOM” (HOUSE BY THE RIVER)
IN JULIANA HORATIA EWING’S NOVEL
“MRS. OVERTHEWAY’S REMEMBRANCES”:
GENESIS, POETICS, RECEPTION**

Georgy A. Veligorsky, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, screamer90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

Abstract. This article discusses the “estate” novel “Mrs. Overtheday’s Remembrances” by Juliana Horatia Ewing and its influence on the estate literature. Almost forgotten now, this work had significantly influenced the genre of the “country-house novel”, which developed in the 20th and 21st centuries, mainly on its poetics and “mythology” – starting from the modernist novels by Edward Morgan Forster and Adeline Virginia Woolf and ending with the search for postmodernists, as well as post-war children’s literature. A special place in this novel is occupied by the “Russian” mansion “Reka Dom” (house by the river) – a literary estate par excellence, which embodies the image of a serene childhood, albeit with a slight touch of sadness. The article shows what the genesis of this amazing image of its kind was, what were its prototypes, and how exactly it influenced the subsequent estate literature.

Keywords: homestead, children’s literature, Juliana Horatia Ewing, Joseph Rudyard Kipling, Edith Nesbit.

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Veligorsky G.A. Dreaming about Russia: the image of the ideal estate “Reka Dom” (house by the river) in Juliana Horatia Ewing’s novel “Mrs. Overtheday’s Remembrances”: genesis, poetics, reception. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 185–192 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-185-192>

Роман викторианской писательницы Джулианы Хорейши Юинг (1841–1885) «Воспоминания старушки из дома напротив» (“Mrs. Overtheway Remembrance’s”) (1869)¹ – яркий пример случая, когда произведение, популярное в свой век, но затем забытое, исподволь оказало колоссальное влияние на литературу последующих лет – и отчасти опередило время.

В начале XX в. авторы усадебной литературы сделали парадоксальное – в феноменологическом плане – открытие. Выраженный в словах Маргарет Шлегель из романа Э.М. Форстера «Говардз-Энд» (“Howard’s End”) (1910), этот парадокс может быть сформулирован так: усадебный дом – это не «кирпичи, <...> цемент и известка», но, прежде всего, «Святая Святых» (“Holy of the Holies”) [Forster: 88] – а именно, «дух Англии, не замкнутый в физических границах усадьбы»; это «животворное пламя»², «образ того довременного гения, который не погибнет во веки веков» [Su: 560]. «Одухотворенный» дом, «друг» и «собеседник» владельца, занимает центральное место в романах Г. Уэллса «Тоно-Бенге» (1907), Э.М. Форстера «Говардз-Энд» (1910), В. Вулф «Орландо» (1928), И. Во «Возвращение в Брайдсхед» (1944) и др.; особняк, в котором бьется «живое сердце», а добрые призраки склоняются над постелями хозяев, охраняя их сон, становится «визитной карточкой» усадебной литературы модернизма. Однако исследователи этой эпохи – как западные, так и отечественные – забывают, что впервые такой дом изобразила в своем дебютном романе викторианская детская писательница³.

С полным основанием можно предположить, что все названные выше авторы так или иначе были знакомы с творчеством Юинг. Ее сочинения (вкуче с книгами М.Л. Молсуорт и Ш.М. Янг) составляли ядро детской викторианской библиотеки и пользовались «несравненным успехом среди юных читателей как ее времени, так и многих поколений спустя» [Carpenter, Prichard: 171]. При этом, по словам знаменитого библиофила Перси Х. Мьюра, Юинг «не пыталась писать “на потребу публике”»; для ее сочинений характерно «отсутствие морали “для милых деток”», а также «отменные <...>, легко читаемые и предельно правдивые сюжеты» [Muir: 117]. На ее романах и повестях училось читать и чувствовать мир не одно поколение английских детей – и стоит ли удивляться, что произведения Юинг входили в круг чтения знаменитых писателей.

Наследуя романтической традиции изображения ребенка, Юинг в то же время ступает на тонкий лед, обращаясь к нетипичным, спорным и даже «опасным» вопросам. Недаром большим ценителем ее творчества был Редьярд Киплинг. Надломленные, склонные к суициду (!) герои Юинг, «бунтари от безысходно-

сти», – Матильда из повести «От шести до шестнадцати» (“Six to Sixteen”) (1876), Лорейн из романа «Мы и мир вокруг нас» (“We and the World”) (1880), безымянный протагонист из книги «Подсолнечник и лучина» (“Sunflowers and A Rushlights”) (1880-e) – находят отражение в «нравственно изуверченных» персонажах Киплинга: Панче из книги «Мэ-э, паршивая овца» (1888), молодом офицере-самоубийце из рассказа «Отброшенный» (сб. «Простые рассказы с гор») (1888) и проч. [Plotz].

Еще одной ценительницей творчества Юинг была Эдит Несбит. Поэтика викторианской писательницы явственно ощутима в ее сочинениях – в особенности в «детском романе» «Искатели сокровищ» (1899) и последующих произведениях о Бастейблахе, – о чем неоднократно писали исследователи [Gubar]. Сама же Несбит отдает дань «Воспоминаниям старушки...» в первой, вступительной главке романа «Дом без адреса» (он же – «Саломея и голова») (1909), где упоминает особняк «Река-Дом», который «стоит на опушке Нового Леса». Известная своей русофобией, Несбит предусмотрительно успокаивает читателя: «В этой истории не будет ничего про Россию. Ни бомб, ни плетей, ни всяких там политических манифестов. Закипающий самовар не “зафыркает” на ее страницах; не будет ни происков, ни взрывов, ни шепота тайных клик. Не бойтесь! — никакой водки, саней, никаких волков и княжон-шпионок. Дом этот зовется “Река-Дом”, потому что в юности тетушка [героя] читала миссис Юинг, а сам он стоял на землях, которые, до некоторой степени, прилегли к реке» – *и т. п.* [Nesbit: 4].

Влияние «Воспоминаний старушки...» ощущается и у американских «усадебных» авторов. Люси Мод Монтгомери очевидно вдохновлялась тим романом, создавая знаменитую сагу об Анне с фермы Зеленые Мезонины (“Ann of Green Gables”) (1908–1939) [Gubar: 217]. Еще одной американской читательницей Юинг была модернистка Гертруда Стайн; ср. в воспоминаниях Алисы Б. Токлас: «В свободное от учебы время мы (юные Стайн и Токлас. – Г.В.) читали те же книжки, рассказы Джулианы Юинг и Луизы Олкотт <...>» [Toklas: 8].

Продолжали читать Юинг и после Второй мировой войны, во времена «усадебного возрождения» (estate revival) и расцвета детской литературы. В частности, Дж. Бриггс и Д. Баттс отмечают влияние сцены из «Воспоминаний...», когда молодая девушка (какой ее видит воображение героини) превращается в старушку, на схожий эпизод из романа Ф. Пирс «Полуночный сад Тома» (1958) [Briggs, Butts: 135].

В середине XX в. творчеством Юинг заинтересовались британские литературоведы. В 1961 г. детская писательница Джиллиан Эвери подготовила ее биографию, выпущенную в знаменитой «карманной»

серии издательства “Bodley Head” [Avery]. В 1977 г. «Воспоминания старушки...» были переизданы с предисловием Сьюзен Кенни, известной исследовательницы творчества В. Вулф. В 1983 г. усилиями четы филологов, М.Х. и Т.Э. Блумов выходит первое научное издание писем Юинг [Ewing 1983]. Однако краткий всплеск интереса вскоре сменяется безразличием, причину которого справедливо подытожить словами еще одного детского писателя, Джона Роу Таунсенда: ни один из романов Юинг «не обладает жизнеспособностью, могущей пронести книгу через столетия – вопреки изменчивым вкусам и переменчивым временам» [Carpenter, Prichard: 172].

* * *

Детство Джулианы Юинг (в девичестве — Гэтти) было неразрывно связано с усадебным миром и, одновременно, с миром литературы. Матерью будущей романистки была знаменитая викторианская писательница Маргарет Гэтти (урожд. Скотт, 1809–1877), автор нравоучительных повестей и христианских притч, знакомая и корреспондентка Альфреда Теннисона; отцом — Альфред Гэтти, священнослужитель, также оставивший ряд сочинений, в числе которых — заметки о путешествии в Россию. С детства Джулиана, «наследуя» обоим родителям, культивировала в себе писательский дар. С юных лет она публиковалась и печаталась: сначала — в домашних журналах, затем — в «Ежемесячном альманахе» Шарлотты Мэри Янг [Avery: 13, 19]. В юности она руководила организацией библиотеки в отцовском приходе (как мы помним, важного элемента дворянской усадьбы⁴): опыт каталогизации, работы со старыми книгами надолго отпечатался в ее памяти и отразился в образе скряги-библиофила из четвертой главы «Воспоминаний...».

Усадьба Экклсфилд, где «дети были предоставлены сами себе, младшие — под присмотром [двух] старших сестер», была для Джулианы пространством свободы и творчества — «домашнего театра, садоводства, нескончаемых изобретательных игр» [Avery: 18]. Именно здесь впервые раскрылся ее творческий дар — художницы и рассказчицы (ср. образ «тетушки-сказочницы», собирающей вокруг себя малышей, в котором она выведена в сборниках М. Гэтти «Сказки тетушки Джуди» (“Aunt Judy’s Tales”) (1859) и «Письма тетушки Джуди» (“Aunt Judy’s Letters”) (1862)). В то же время, именно здесь Джулиана узнала на опыте, что усадебный мир — это не только игра под сенью отцовского дома, но и постоянная забота о семье, труды, неурядицы, бытовые хлопоты. Девочке приходилось присматривать за младшими детьми (всего их в семье было 8), с которыми она, впрочем, прекрасно ладилась — об этом подробно рассказывает ее младшая сестра в биографии «Джулиана Хорейша Юинг и ее книги» (1885).

Личный опыт оказал существенное влияние на творчество писательницы. Недаром большинство произведений Юинг могут быть определены как «романы об усадьбе»: «Оловянный утюжок за фартинг» (1873, рус. пер. — 1894), «Иэн, найденный с Ветряной Мельницы» (1876), «Голубка дядюшки Дарвина» (1884), отдельные рассказы и повести («Сон Мельхиора», «Окровавленная рука» и т. п.). Однако вне всяких сомнений, самый «усадебный» из них — ее дебютный роман, «Воспоминания старушки из дома напротив».

* * *

Структурно «Воспоминания...» представляют собой собрание отдельных повестей (трех реалистических и одной сказочной), объединенных общими образами рассказчицы (Мэри Смит) и слушательницы (девочки по имени Ида). Они были сериализованы в «Журнале тетушки Джуди» (“Aunt Judy’s Magazine”), издаваемом в ту пору М. Гэтти, с мая 1886 г. по октябрь 1888 г. (всего 11 выпусков). Сначала была напечатана вступительная глава «Ида» (в которой маленькая героиня знакомится с пожилой рассказчицей «из дома напротив»), а также две главы-«повести» («Миссис Мосс» и «Храпящее привидение»). За этим последовал длительный перерыв. Над следующей главой Юинг работала дольше и тщательнее остальных, о чем свидетельствуют ее письма к матери. Начало главы было напечатано 1 июня 1868 г. (с. 67–74); продолжение — 1 августа 1868 г. (с. 195–206, до «смерти» Ивана), третья часть — в сентябре с. 259–275), окончание — в октябре (с. 323–330, и далее — начало последней главы, до с. 347).

По сюжету романа, маленькая сирота Ида (мама умерла в детстве, а отец пропал без вести в далеких морях), тяготясь обществом своего нечуткого и грубоватого дядюшки и тоскуя в огромном особняке, заводит дружбу с пожилой дамой, живущей в доме через дорогу. Однажды, желая порадовать старушку-соседку, Ида предпринимает вылазку (в буквальном смысле — через дыру в живой изгороди) в лес за подснежниками — и в итоге серьезно заболевает (собирая цветы, она оскальзывается и падает в студеный ручей). Когда через три недели Ида идет на поправку, благодарная старушка начинает ее навещать — и, по просьбе девочки, рассказывает ей истории из своего детства. По замыслу автора, в воспоминаниях Мэри Смит (именно так зовут соседку «из дома напротив») свивается прочная нить, связующая два столетия — «век нынешний» и «век минувший» английской усадьбы.

Усадебное прошлое, разворачивающееся в рассказах пожилой дамы, нарочито предметно — и притом столь же нарочито неуловимо. Юинг умело использует зыбкие образы (визуальные и аудиальные): усадьба предстает в отражениях в зеркалах и неоконченных

письмах, в гравюрах на страницах старинных книг и разговорах, нечаянно подслушанных из-за ширмы; в силуэтах давно ушедших людей (популярные в XVIII в., такие профили из черной бумаги имелись почти в любой усадьбе), в шуршании шафрановых платяев, в садовых ножницах на траве, в перчатке, оброненной на садовой аллее... Всё это формирует «вещественный» мир ушедшей в прошлое или забытой усадьбы – предвосхищающий подобные же предметные ряды из сочинений XX–XXI вв. – вплоть до русского «дачного» текста («Пластинка должна быть хрипящей...») (1965) В. Соколова) и «усадебной» литературы постмодернизма [Богданова].

В романе Юинг представлено множество усадеб разных времен: от «реальных» особняков (деревенских домов, в которых живут главная героиня и старушка-рассказчица) и до ветхих «реликвий» прошлого, которые благодаря «цепкой памяти» миссис Смит предстают перед Идой живыми и красочными⁵. Яркой чередой проходят усадьбы старинные – с дамами в напудренных париках, балами, генеалогическими древами, вечными разговорами о женитьбах, семейных узах, о поездках на воды; усадьбы «волшебные», где «храпящий» и «вздыхающий» призрак (в духе готического романа – в этом жанре молодая писательница уже успела опробовать силы, ср. ее повесть «Окровавленная рука») – оказывается малышами-святками, ворочающимися в гнезде за стеной (явная дань традиции «мнимого детектива», восходящая к «Нортенгернскому аббатству» Дж. Остен (1799)); усадьбы «покинутые», где на старых тропинках «шелестит время», а брошенная в траве перчатка или ржавые ножницы позволяют ребенку вообразить давно ушедшую эпоху и тем самым приобщиться к ней; усадьбы-«зеркала», в которых мелькают призраки прошлого – памятные дома, особняки, сады, давно ушедшие в английскую землю. И во всей этой череде «великолепного века» особенно выделяется «русская» усадьба «Река-Дом» – единственный образец «идеального обиталища», у которого, кстати, имелся в реальности прототип.

* * *

Первое «знакомство» Джулианы Юинг (в ту пору – еще Гэтти) с особняком Река-Дом состоялось в декабре 1862 г.: тогда она гостила у своей подруги Элизабет Эллакум, дочери преподобного Генри Томаса Эллакума, в городе Топшэм, графство Девон: «Это на редкость необычный старый городок, голландское поселение каких-то незапамятных лет, и в старой части города сохранились голландские дома... В одном из них теперь живет семья из России: когда-то они селились у русской реки, и вот теперь написали красками название того, русского дома на столбике у ворот – Река-Дом (Reka Dom)! Дом у реки! – Это страшно любопытно, и мне снова ужасно хочется по-

бывать и в Дании, и в Голландии!!! Заложил это воспоминание закладкой – возможно, однажды я к нему еще возвращусь» [Ewing 1983: 379].

В XVII в. Топшэм⁶ (основанный в устье реки Экс еще во времена римской экспансии) был крупным портовым городом; здесь стояли на якоре суда, которые впоследствии дали бой Непобедимой Армаде; сюда же в XVII в. голландские купцы возили богатые ткани; многие из них имели резиденции в городе и даже «оседали» в нем с семьями, что придало Топшэму статус «голландского поселения». Именно здесь в 1688 г. высадился на берег Виллем Оранжево-Нассау, будущий король Англии Вильгельм III.

Однако и вторая – «русская» – история этого дома также прослеживается сквозь века. Хотя прочные русско-английские торговые связи восходят по меньшей мере к XVI в., временам Генриха VIII и Эдуарда VI [Кулишер: гл. 9], контакты с Россией окончательно установились в Топшэме в 1715 г.: сюда из северорусских портов возили промышленную коноплю и пеньку, лен, топленое сало и проч. В конце века топшэмский док принимал по меньшей мере два русских торговых корабля ежегодно; отсюда по реке товары под английскими парусами уносились уже в другие города – прежде всего, в Портсмут и Фалмут – и расходились по всему острову. В XIX в. сеть поставок расширилась: теперь в Топшэм прибывали корабли из Санкт-Петербурга, Архангельска, Риги. В городе сохранилось множество памятных табличек, упоминающих о прибытии русских торговых судов, а на местном кладбище покоятся в том числе русские моряки [Dodd].

Именно в Топшэме состоялось судьбоносное знакомство с домом, который Джулиана «повстречает» через пять лет – на канадской земле и уже будучи миссис Юинг.

1 июня 1867 г. Джулиана вышла замуж за молодого армейского офицера Александра «Рэя» Юинга⁷. Уже через неделю после свадьбы семья отправилась за океан, в город Фредриксон (провинция Нью-Брунсуик, Канада). После этого Юинг вела «кочевую» жизнь, постоянно переезжая: обратно в Англию, через океан, в город Олдершот, затем – за мужем-военным, на Мальту (1879 г.), на Шри-Ланку (1881 г.), снова в Англию, в Сомерсет, в Бат... Непрестанные переезды, отсутствие постоянного дома, тоска по родине, по «родовому гнезду», хлопоты с обустройством на новом месте – подточили и без того хрупкое здоровье писательницы, которая и на поздних фотографиях выглядит как хрупкая викторианская девочка в «гимназическом» платьице и со строгим «пучком» на затылке. Поэтому неспроста, как талисман на груди, она хранила воспоминание о родном доме в графстве Йоркшир – и о чудесной усадьбе Река-Дом, встреченной ею в юности.

Впрочем, то было только начало долгого пути – и переезд в Канаду стал двумя (по количеству лет) счастливыми, солнечными страницами в памяти Юинг. Сохранились ее письма того периода к матери; хотя ей уже исполнилось 26 (по меркам викторианской эпохи – возраст весьма зрелой женщины), это по-детски экспрессивные, местами наивные и очень живые тексты, изобилующие восклицаниями, восторженными образами; они напоминают дневники совсем юной пансионерки – писанные богатым слогом и со множеством неожиданных метафор. К письмам прилагались многочисленные рисунки: вид и интерьеры канадского особняка, пейзажи из окон, река Святого Иоанна, зеленые лужайки, ивы над водой, «живописные» местные жители и т. д.

В письме от 17 июля 1867 г. Юинг сообщает об интересующей нас «судьбоносной» встрече: «Я не писала еще тебе, как это чудно – ощущать, что мой Дом всё время, неощутимо, со мной; где бы мы ни разбили нашу палатку, он всегда оказывается там». Узнавание происходит, когда «у самой кромки воды» Джулиана видит красное здание; «несомненно, – пишет она матери, – то был РЕКА-ДОМ».

Что характерно, дома в Топшэме и во Фредриконе не сильно схожи между собой. В набросках Юинг (приложение к вышеуказанному письму) мы видим большое здание с эркерными окнами (такими же, как и в топшэмском доме) – но притом обшито тесовыми досками, вытянутое, угловатое – и, как следует из письма, другого (красного) цвета. Тем не менее, голландский «купеческий особняк» в английском графстве и бывший трактир⁸ на берегу леденистой канадской реки становится в сознании Юинг обратимыми.

«Узнавание» Дома оказывается для Юинг катализатором, разжигающим творческий огонь. До этого, как мы отмечали выше, писательница почти на полгода прерывала работу над «Воспоминаниями...»; теперь же она начинает трудиться над четвертой главой. Уже 1 августа 1867 г. Юинг сообщает матери: «Наконец-то есть время поработать над “Рекой-Домом”» [Ewing 1983: 30].

Дело идет неспешно и кропотливо. 29 сентября Джулиана отмечает: «Работаю усердно – понемногу “Река-Дом” пишется – вскорости надеюсь отправить» [Ewing 1983: 52]. Ср. в письме от 21 октября: «Работаю над “Рекой-Домом”, выходит медленно. После нее напишу рассказ о том, как “Кошечка тарелочки мыла-намывала”» [Ewing 1983: 66]. 12 ноября она извинительно пишет: «Скажи маме, я вышлю фрагмент “Реки-Дома” следующей же почтой – *если управлюсь*» [Ewing 1983: 80]. В это время она уже провидит концовку романа: «После “Р.Д.” будет еще о возвращении капитана и заключение». Но следующее же письмо (18 ноября) открывается словами: «Не успеваю вы-

слать “Реку-Дом” этой почтой, надеюсь отправить со следующей (из Квебека)» [Ewing 1983: 81] Юинг выражает недовольство текстом: «Большая часть того, что написано, кажется мне затянутой, я ею недовольна, всё переделываю и улучшаю. То, что вышло теперь, надеюсь, “сгодится”» [Ewing 1983: 81]. И далее: «Конечно, это безобразие с моей стороны, что я больше не посылаю тебе рисунки. Но я очень занята – “Река-Дом”, и проч., и проч.» [Ewing 1983: 81–82].

5 января 1868 г. Юинг получает ответ от матери, которая, наконец, прочла черновик и выслала многочисленные замечания. Как и подобает викторианской дочери, писательница принимает их с благодарностью: «Не могу и описать, дорогая матушка, какое для меня облегчение, что ты – столь разумно – отложила [публикацию главы] “Река-Дом”. Я очень о ней беспокоилась, и знаю: она становилась растянутой и слабой; уверена, я могу лучше. Не буду откладывать в долгий ящик, но писать через силу не могу, глупо даже пытаться. Но теперь я свободна и не пренебрегу этим текстом, обещаю! – Жди от меня вскорости “Реку-Дом”, историю отца (короткую) и заключение» [Ewing 1869: 97–98].

Далее Юинг работает уже с замечаниями матери. 12 января 1868 г. она сообщает ей: «<...> работаю над “Рекой-Домом”» [Ewing 1983: 100]. 3 февраля Юинг опять заговаривает о романе (судя по всему, получив еще одно письмо от матери): вновь благодарит за критику, пишет о необходимости «ужасть» текст, с чем-то не соглашается («Сохраню часть про реку – хотя, конечно, это лишь тень от моих действительно удачных фрагментов <...>») [Ewing 1983: 108–109]. 22 марта Юинг высказывает надежду отправить новую версию следующим письмом («она почти готова, и, я надеюсь, вышла удачной» [Ewing 1983: 131]) – но снова, как и прежде, что-то вмешивается в планы писательницы.

Различные дела и события постоянно мешают отправке – то хлопоты с переездом, то сильный снегопад (письмо от 4 апреля 1868 г.), то домашние заботы: «Ум мой разрывается хаотически между мыслями: во что обуться зимой? что подать завтра к полднику? <...> удастся ли пошить жилет и пару гамаш из старой шинели Рекса? наконец, как настроить свои мысли – и дописать наконец “Реку-Дом”?!» [Ewing 1983: 85].

Одновременно с писательницей роман вычитывает и ее супруг – Александр («Рекс»); ср. его письмо к М. Гэтти (приложение к письму Юинг от 17 апреля): «Думаю, Вам понравится [глава] “Река-Дом”, когда Вы прочтете ее полностью; и Вы согласитесь со мной, что это, во многих отношениях, ее (Юинг. – Г.В.) лучшее предприятие (best attempt)» [Ewing 1983: 145].

Наконец, 4 мая 1868 г. работа над главой завершена. «Этой почтой, – сообщает Юинг, – надеюсь, вышлю окончание “Реки-Дом”». И далее: «<...> выш-

лю <...> “Реку-Дом” второй почтой завтра же» [Ewing 1983: 150]. Финальные фрагменты романа (в частности, вставную новеллу-сказку про двух чаек и главку с возвращением отца) Юинг отправит чуть позже, 1 июня.

Юинг была так увлечена работой, что, еще не дописав роман, думала о его «сиквеле», посвященном уже младшей сестре миссис Мэри Смит – Фатиме (недаром миссис Смит в романе уподобляется Шахрезаде, рассказывающей изо дня в день маленькой слушательнице нескончаемые волшебные «грезы»). По мнению М. Роузинг, «Река-Дом» несет в себе «интенцию бесконечной истории» [Rosing: 157].

События романа удивительным образом проникают в жизнь писательницы, а мечта и реальность перекрещиваются друг с другом, свиваются в причудливые водовороты. «Даже удивительно, что, закончив писать “Реку-Дом”, – я получила в наследство садик, единственное убранство которого – белые лилии, растущие вдоль южной ограды» [Ewing 1983: 154]. Напомним: героиня «Воспоминаний...» высаживает точно такие цветы на своей фигурной клумбе; именно с ними для нее ассоциируется и знакомство с Иваном.

Сами письма Дж.Х. Юинг оказываются увлекательным «романом об усадьбе». Напомним: эпистолярная форма – одна из старейших его разновидностей, восходящая не только к «усадебным» текстам С. Ричардсона и Г. Филдинга, но и более ранним – «усадебным» воспоминаниям Б. Джонсона и Э. Марвелла или даже к фамильному архиву Пэстонов (XV в.) – семейства, проживавшего в Грэшем-Мэнор, бывшем поместье Дж. Чосера (их «Семейную переписку» в четырех томах издал в 1904 г. доктор Дж. Гэрднер). В письмах мир усадьбы предстает в бытовом разрезе, там нет почти ни слова о самой корреспондентке, а «всё о хлопотах по хозяйству: то овцы попортили сено, то подручные <...> не вышли на работу; то прорвало плотину, то украли вола. И еще у них кончились запасы патоки, и потом – ей действительно нужна материя на платье» [Вулф: 11]. То же обнаруживаем и в письмах Юинг, которая делится с матерью планами романа – и тут же сетует на дороговизну стирки («2 шиллинга за дюжину» предметов одежды [Ewing 1983: 12]), жалуется на пропажу швейной машины, рассказывает о покупке сквород на базаре, о купленном задешево поросенке (известие о сделке сопровождается шестью восклицательными знаками), о найденной «очень кстати» в комодке монетке, о желтых лодках-каное, напоминающих ей осенние, плывущие по реке листья... Как и в любой настоящей усадьбе, попутно с творчеством «течет» и другая жизнь: бытовые проблемы и неурядицы, мимолетные улыбки, мелкие радости, – и вечные заносающие дорогу метели, из-за которых отправка рукописи откладывается день от дня; так

мечта существует параллельно быту, образуя в своем роде усадебный роман *par excellence*.

* * *

Как уже отмечалось выше, особняку Река-Дом посвящена четвертая глава романа – ожидаемо самая большая на фоне прочих (примерно в три раза крупнее первой и второй по отдельности). В этой главе Ида сама впервые отправляется в гости к миссис Смит. В гостиной, где они пьют чай, девочка видит рисунок старинного дома и ведущей к нему извиристо-живописной дороги, которая сразу привлекает ее внимание. Ида упрощает миссис Смит, и та рассказывает очередную историю: «Я помню столь многое об этом доме, что, стоит мне взглянуть на картинку – и я сразу же погружаюсь в мечты. Память приносит мне много отрады – и много боли. Но в том и преимущество быть старой, Ида: время смягчает болезненные картины прошлого, оставляя нам лишь счастливые, и они становятся чище день ото дня» [Ewing: 140].

Далее следует рассказ об особняке Река-Дом, исполненный автобиографических «судьбоносных» деталей. По сюжету, семья Мэри (как и семья Юингов) вынуждена нанимать дом «в тихом маленьком городке, немногим крупнее, чем большая деревня – городке с булыжными улочками, магазинчиками, тихом, солнечном и довольно скучном – раскинувшимся на речном берегу» [Ewing: 142]. Первая «встреча» с домом становится «узнаванием»: отец Мэри, человек, не склонный к экспрессии (филолог-востоковед), восклицает от удивления, впервые его увидев и прочитав слова, начертанные у ворот «черными римскими капиталами». «Райка Доум» (как произносит он, на английский манер, название) выделяется среди прочих милостивых особнячков – «пестрые садики, заросли сирени, падуба или калины и увитое плющом крыльцо» [Ewing: 152] – тем, что в нем ощущается живая душа. После такого знакомства-«узнавания» переезд оказывается делом решенным, и с тех пор, как вспоминает миссис Смит, «удача во всем сопутствовала нашему новому дому» [Ewing: 142].

Вскоре после переезда в новый дом Мэри и ее семья узнают о русских детях, которым некогда принадлежали шесть фигурных клумб (или грядок), каждая – в форме латинской литеры (“I”, “M”, “E” и проч.), в глубине заросшего сада. Русские дети становятся «душой» усадьбы (подобно призракам из рассказа В. Вулф «Дом с привидениями»): «Их история была историей нашего дома. Всё было проникнуто этой сказкой (romance) – дорожки, на которых мы играли, качели, на которые мы садились, сад, за которым мы ухаживали изо дня в день» [Ewing: 170]. Братьям и сестрам Мэри этот особняк представляется чудесной страной: «Исследование сада было для нас путешествием в волшебный край». Его мир

одновременно зыбок (Юинг находит замечательный образ: качели на ветхих веревках, которые обрываются, стоит героине присесть на них), но и достаточно прочен, чтобы существовать в рамках детской игры и сохраниться в памяти Мэри.

Как справедливо пишет Дж. Эвери, ««Река-Дом» – это “воспоминание” во плоти, где беспримесная радость самых светлых моментов детства сияет, как чистый хрусталь» [Avery: 76]. В этой истории смешивается счастье от двух первых лет замужества, проведенных в Канаде, – и глубокая ностальгия, которую Юинг испытывала по оставленной за океаном родине. Дом, который она описывает, – это «рай на земле, где к радости, которой всегда окрашено детство, примешивается легкая грусть» [Avery: 76]. Недаром игры, как и история особняка Река-Дом, проникнуты светлой печалью. Неспроста английские дети, играющие в переписку с русскими, «хоронят» Ивана, от которого неожиданно прекращают приходиться письма. Когда Ида допытывается, что стало со всеми героями истории про «Реку-Дом», миссис Смит отвечает троекратным повторением слова «Dead»: «Мертвы... Мертвы... Мертвы... Ида, дитя мое, я не могу больше отвечать на вопросы» [Ewing: 221]. Столь же раздумчивым звучит стихотворение Генри Вога, которое цитирует отец Мэри («They are all gone into a world of light, / And I alone sit lingering here...») – «Ушли они все в царство света, | И я один лишь медлю здесь...») [Ewing: 155]. Жизнь и смерть идут в воспоминаниях рука об руку⁹; однако миссис Смит сознательно привносит в эту картину свет – и заканчивает ее на элегической ноте: «Не забывай, Ида, я старая, я пережила почти всех, кого знала в юности. Конечно, это естественно, что смерть покажется чем-то печальным на твой взгляд – и я не хочу превращать в трагедию рассказ о “Реке-Доме”» [Ewing: 221–222]. Неумолчный звон церковных колоколов – которым открывается и закрывается роман – знаменует непрерывное течение жизни: «Вот и кончена моя история; но колокола по-прежнему созывают на утреннюю молитву; а значит, и продолжается жизнь» [Ewing 250] – и опять же предвосхищает «усадебную преемственность», столь важную для авторов-модернистов.

* * *

Как видим, Река-Дом – «русский» особняк на английском побережье, солнечная греза (day-dream), увиденная в погожий летний день – становится первым в истории образом «усадебно-мечты», который будет фигурировать во многих произведениях XX в. – особенно в период «усадебного возрождения» после Второй мировой войны. Через образ этого особняка Россия в романе Юинг представляется чем-то призрачным, вообразаемым, небывалым, – как и призрачные русские дети, живущие лишь в рассказе

старушки, которой, выражаясь словами А. Белого, «молодость снится». Чудесный особняк Река-Дом, ставший предтечей модернистских усадеб, остался почти незамеченным в «июльский полдень золотой» викторианского благоденствия – и тем рельефней выглядит он годы спустя, через призму полутора минувших столетий.

Примечания

¹ Название трудно переводимо: Mrs. Overtheway (букв.: «госпожа Черездорожная») – прозвище «в духе Беняна», которое главная героиня дает своей соседке из дома напротив, благочестивой пожилой даме.

² Ср. образ такого огня в романе И. Во «Возвращение в Брайдсхед» (1946).

³ О модернистских усадьбах подробнее см.: [Склизова], [Trout].

⁴ Подробнее об этом см., напр.: [Володина 2020].

⁵ Ср., напр.: «Это был большой дом, убранством напоминавший нашу усадьбу, но внешне более ухоженный; старый, построенный с нарушением пропорций, но с изящными перекладинами на окнах, причудливыми флигелями, укромными уголками. <...> ярко цветущий сад приятно оттенялся серым булыжником, земли вокруг усадьбы казались необъятными» [Ewing: 92].

⁶ Река-Дом в Топшэме существует и по сей день (в городе он известен также как «Дом купца»); сейчас в этом здании расположен живописный отель.

⁷ Александр Юинг и сам был творческим человеком: музицировал и писал музыку, увлекался метеорологией, месмеризмом, обожал собак и даже, по словам жены, состоял в масонской ложе [Avery: 22]; он занимался переводами, глубоко поощрял занятие супруги литературой – и, судя по всему, стал прототипом Ивана в «Воспоминаниях...»

⁸ В отличие от топшэмского особняка, канадский «Река-Дом» не сохранился до нашего времени (он был снесен в 1910 г.; ныне на его месте стоят дома 50 и 58 по Ватерлоо-роу). Когда-то в этом здании находился первый трактир Фредриксона – «Золотой мяч».

⁹ Именно такими средствами, по мнению Дж. Эвери, Юинг удалось «удержать» баланс между «чересчур мрачными» повестями о сиротах викторианской эпохи – и, напротив, слишком «светлыми» романами XX в.

Список литературы

Богданова О.А. Дачный топос в литературных источниках XX в. и в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Филологический класс. 2018. № 2(52). С. 134–140.

Володина Н.В. Библиотека как элемент «усадебной культуры» в творчестве русских писателей вто-

рой половины XIX — начала XX в.: И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, И.А. Бунин // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 72–84.

Вулф В. Обыкновенный читатель / Изд. подгот. Н.И. Рейнгольд. М.: Наука, 2012. 776 с.

Кулишер И.М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. СПб.: Атеней, 1923. 322 с.

Склизкова Т.А. Роман об усадьбе в английской литературе первой половины XX века. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2021. 329 с.

Avery G. Mrs. Ewing. N.Y.: Henry Z. Walck, 1964. 82 p.

Briggs J., Butts D. The Emergence of Form (1850–1890) // Children's Literature: An Illustrated History. Ed. by P. Hunt, D. Butts. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1995. P. 130–165.

The Oxford Companion to Children's Literature. Ed. by H. Carpenter, M. Prichard. Oxford: Oxford University Press, 1999. 608 p.

Dodd G. Russian Hemp Bale Seals from Crediton & Topsham, Devon. URL: <http://www.peacehavens.co.uk/BSCREDITON.htm> (дата обращения: 21.05.2022).

Ewing J.H. Mrs. Overthway's Remembrances. L.: Society for Promoting Christian Knowledge, 1869. 250 p.

[Ewing J.H.] Canada Home: Juliana Horatia Ewing's Fredricton Letters, 1867–1869. Ed. by M.H. Blom & Thomas E. Blom. Vancouver: University of British Columbia Press, 1983. 426 p.

Forster E.M. Howard's End. L.: Penguin, 2012. (Penguin English Library). 400 p.

Gubar M. Artful Dodgers: Reconceiving the Golden Age of Children's Literature. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2009. 264 p.

Muir P.H. English Children's Books, 1600 to 1900. Westport (CT): Praeger, 1954. 255 p.

Nesbit E. The House with No Address. N.Y.: Doubleday, Page & C°, 1909. 340 p.

Plotz J.A. Punch Reads Aunt Judy: Kipling, Ewing and the Use of the Children's Literature. Twice-Told Children's Tales: The Influence of Childhood Reading on Writers for Adults. Ed. by B. Greenway. N.Y.; Abingdon: Routledge: Taylor & Francis Group, 2005. Pp. 183–198.

Rosing M. "Stories by Bits": The Serial Family in Juliana Horatia Ewing's "Mrs. Overthway's Remem-

brances". Victorian Review. Fall 2013. Vol. 39. № 2. Special Issue: Extending Families. Pp. 147–162.

Su J.J. Refiguring National Character: The Remains of the British Estate Novel. Modern Fiction Studies. Fall 2002, vol. 48, № 3, pp. 552–580.

Toklas A.B. What is Remembered. N.Y.; Chicago; San Francisco: Holt, Rinehart & Winston, 1963. 194 p.

Trout T. Open to the Public: The Modernist Country-House Novel. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2019.

References

Bogdanova O.A. *Dachnyi topos v literaturnykh istochnikakh XX veka i v romane E.G. Vodolazkina "Aviator"* [Dacha topos in literary sources of the XX century and in the novel by E.G. Vodolazkin "Aviator"]. *Filologicheskii klass* [Philological class]. 2018, № 2(52), pp. 134–140. (In Russ.)

Volodina N.V. *Biblioteka kak element "usadbenoi kultury" v tvorchestve russkikh pisatelei vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.: I.S. Turgenev, I.A. Goncharov, I.A. Bunin* [Library as an element of "estate culture" in the work of Russian writers of the second half of the 19th – early 20th centuries: I.S. Turgenev, I.A. Goncharov, I.A. Bunin]. *Russkaia usad'ba i Evropa: diakroniia, nostalg'ia, universalizm* [Russian estate and Europe: diachrony, nostalgia, universalism]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2020, pp. 72–84.

Vulf V. *Obyknovennyi chitatel'* [The common reader]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 776 p.

Kulisher I.M. *Istoriia russkoi torgovli do deviatnatsatogo veka vkluchitel'no* [History of Russian trade up to the nineteenth century inclusive]. St. Petersburg, Ate-nei Publ., 1923. 322 p.

Skлизкова Т.А. *Roman ob usad'be v angliiskoi literature pervoi poloviny XX veka* [The novel about the estate in English literature of the first half of the 20th century]. Vladimir, VIGU Publ., 2021. 329 p.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.